

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. Э. Вацуро

К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКИ ПУШКИНА

(ИЗ РАБОТ НАД АКАДЕМИЧЕСКИМ СОБРАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА)

История академического издания Пушкина, выпущенного в 1937—1949 годах Академией наук СССР, неоднократно освещалась в литературе. Всем, кто следит за историей пушкиноведения нового и новейшего времени, известно, каким образом и почему этот выдающийся труд, составивший целый этап в научной текстологии и эдичионной практике, вышел в свет без развернутого текстологического, историко-литературного и реального комментария, содержащего обоснование основного текста и принятых датировок. В настоящих заметках нет необходимости рассказывать об этом подробно; напомним лишь то, о чем уже также говорилось в печати: новое академическое собрание сочинений Пушкина, подготавливаемое Пушкинским Домом вот уже в течение нескольких лет, ставит едва ли не центральной своей задачей восполнение именно этих пробелов.

Напомним и другое: первый том академического издания, подготовленный в 1935—1936 годах выдающимся исследователем Пушкина М.А. Цявловским, при ближайшем участии Т.Г. Зенгер (Цявловской), имел такой комментарий, занимавший около 80 листов печатного текста и сохранившийся в виде корректуры; корректура эта после смерти ученого оставалась у Т.Г. Цявловской и по ее завещанию была передана в Пушкинский Дом для подготовки нового издания. Этот труд отчасти уже известен исследователям: некоторые фрагменты его были напечатаны Т.Г. Цявловской в составленном и отредактированном ею сборнике статей М.А. Цявловского о Пушкине;¹ ряд наблюдений и выводов, в нем содержащихся, был введен в научный оборот исследователями, ссылавшимися на него как на архивный источник. В полном своем виде эта грандиозная по своим материалам и ценности работа, однако, станет известна лишь после выхода в свет первого тома нового издания, в котором она составляет основу комментария.

Совершенно понятно, что она не явится в своем первоизданном виде. Первоначальный замысел — сохранить ее не только как свод сведений о лицейском творчестве Пушкина, но и как факт истории науки и индивидуального творчества одного из крупнейших наших пушкинистов — оказался совершенно неосуществимым в пределах современного издания Пушкина. Комментарий, составивший почти шестьдесят лет назад, не мог не устареть в каких-то своих частях; после 1936 года десятки исследователей, и в их числе сам М.А. Цявловский, вносили в него изменения и уточнения; он подлежал фронтальной перепроверке, дополнению, частично — переработке. Все это и было осуществлено коллективом сотрудников отдела пушкиноведения, готовившим к изданию первый том, посвященный лицейской лирике Пушкина. Специальные разыскания, естественно сопровождавшие этот процесс, поглощались общим комментарием; между тем некоторые из них, вероятно, нуждались бы в обсуждении. Автор этих строк уже сообщал в печати несколько своих дополнений к существующему пушкинскому комментарию, в том числе и к работе Цявловского; ниже предлагается еще несколько комментаторских заметок такого рода.

Реликты псевдопушкинианы в академическом издании

1

Это название отнюдь не несет в себе иронически-осуждающего оттенка. При существующем состоянии материала вряд ли есть издание академического типа, претендующее на полноту, которое может полностью обойтись без дубиальных текстов разной (и иногда невысокой) степени достоверности. Один из таких текстов, традиционно считавшийся пушкинским, был выведен из академического издания только в дополнительном, «справочном», томе в 1959 году. Здесь читаем: «„Всегда так будет, как бывало...”. Это стихотворение (с. 493) должно быть исключено из текстов Пушкина. Оно приписывалось ему ошибочно. Автором его, как документально установила Т.Г. Цявловская-Зенгер, является Б.М. Федоров».²

Это совершенно точное указание, к сожалению, не было развернуто и документировано. Между тем за ним стоит довольно поучительная история. Оно входило в раздел «Dubia» второго тома академического издания. Напомним его текст:

И где, как и всегда бывало,
С тех пор, как видим белый свет,
Ученых много, умных — мало,
Знакомых тьма... а друга нет!

В собрание сочинений Пушкина эти стихи (опубликованные с его именем еще при его жизни в совершенно неавторитетном альманахе «Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов», М., 1829) включил П.В. Анненков.³ Они известны в нескольких копиях, авторитетных и постоянно учитываемых в числе источников текста лицейских стихов (Н.С. Тихонравова, П.Я. Дашкова, М.Н. Лонгинова—С.Д. Полторацкого и др.), но еще существеннее, что они имеются в альбоме А.М. Горчакова, просмотренном самим Пушкиным, авторизовавшим в нем некоторые копии. Интересующее нас четверостишие он прочел и даже исправил в нем опisku, но затем перечеркнул текст.⁴ Это вовсе не обязательно означает отказ от авторства; это могло быть нежеланием распространять стихотворение, несогласием с текстом копии и т.д. и т.п. По копии Горчакова стихи и были напечатаны в разделе «Dubia» академического издания.

Поправка Т.Г. Цявловской основывалась на неопубликованном письме Б.М. Федорова К.С. Сербиновичу 1868 года, где Федоров писал: «Пушкину понравились мои стихи из послания к Норову (помещени(о)го) в «Духе жур(налов)» 1816 г.) — он выписал несколько стихов — а они вошли в собрание его сочинений! То же было и с другою моею пьесой „Терпение”, помещенною некогда в „Рус(ском) Инвалиде” еще при Пезаровиусе. Она приписана Пушкину».⁵ Послание, о котором идет речь, было напечатано не в 1816-м, а в 1817 году; упомянутые стихи читались в нем несколько иначе:

Всегда так будет, как бывало;
Таков издревле белый свет:
Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет!⁶

По-видимому, Федоров узнал свои стихи, просматривая издание Анненкова. Остается не вполне ясным, на чем он основывался, утверждая, что они «понравились» Пушкину и что Пушкин «выписал» их из журнала, — не исключено, что это не просто догадка Федорова, а передача какого-то разговора с самим Пушкиным, с которым Федоров виделся довольно часто в 1827—1828 годах.

2

Нам представляется, что второй «реликт псевдопушкинианы» остался в вариантах к стихотворению «Друзьям».

Нам известна ранняя редакция этого стихотворения, относящаяся к 1816 году и записанная самим Пушкиным в так называемой «Лицейской тетради» (ПД. Ф. 244. Оп. 1. №

829); она состоит из 16 стихов. Мы вынуждены процитировать ее целиком, чтобы последующий анализ был более наглядным.

ДРУЗЬЯМ

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж Муза смолкнула моя;
Напрасно лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искал потерянные звуки...
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И на любовь устремлены
Огнем исполненные очи;
Играйте, пойте, о друзья,
Утрайте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Это первая из редакций, зафиксированных автографом и авторитетными копиями. Именно этот текст сохранился в тетради лицейских стихов, принадлежавшей Ф.Ф. Матюшкину (ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 1). С ним совпадает и копия в так называемой «тетради А.В. Никитенко», содержащей последние редакции стихов, созданные в Лицее; разница лишь в стихе 5, который здесь читается: «Напрасно лиру взял я в руки».

В этом виде стихотворение читал Жуковский, просматривая «Лицейскую тетрадь», и предложил поправку к 8 стиху: «Будил потерянные звуки»; поправка была принята Пушкиным. Вернувшись к этому тексту (уже, видимо, после просмотра его Жуковским), Пушкин внес изменения в стих 10: «Веселы дни, веселы ночи» — и 11—12:

И дев на вас устремлены
Огнем исполненные очи.

Эти стихи в «Лицейской тетради» Пушкин исправил еще раз:

И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.

Переписывая стихотворение в 1819 году для готовившегося печатного сборника, Пушкин усовершенствовал лишь стих, поправленный Жуковским:

Будил умолкнувшие звуки.

Это была последняя редакция элегии, созданная Пушкиным до отъезда на юг.

Как известно, в 1820 году сборник не вышел; работа была прервана ссылкой. Пушкин вернулся к ней в 1825 году в Михайловском; к этому году и относится окончательная редакция стихотворения «Друзьям». Мы опускаем здесь историю его текста на последних этапах; нас интересует лишь последняя редакция, в которой было отброшено начало и остались лишь заключительные 8 строк. Так она и была напечатана в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 года:

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утрайте вечер скоротечный;

И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.⁸

Все процитированные редакции и варианты приведены в академическом издании, в первом и втором томах. Но помимо них, в первом томе напечатан еще один текст, опубликованный впервые Н.В. Гербелем в 1861 году с примечанием: «Первая редакция стихотворения того же имени («Друзьям». — В.В.), напечатанного в „Соч. Пушкина“, изд. 1859 г. т. I, стр. 140».⁹ Гербель не указал источника своей публикации; но текст его был принят П.А. Ефремовым, перепечатавшим его в «Библиографических записках».¹⁰ Л.Н. Майков, редактор первого тома академического издания Пушкина 1899 года (первый том с лицейской лирикой был выпущен вторым изданием в 1900 году), привел его в примечаниях к элегии, заметив, что он, вероятно, «принадлежит к числу самых первоначальных черновых набросков», полностью переработанных.¹¹ С его предположением согласился и М.А. Цявловский, перепечатавший текст Гербеля в разделе «Другие редакции и варианты» как первую редакцию элегии «Друзьям»:

Среди беседы вашей шумной
Один уныл и мрачен я...
На пир раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любил и я когда-то с вами
Под звон бокалов пировать
И гармонически стихами
Пирав веселье воспевать.
Но пролетел миг упоений, —
Я радость светлую забыл,
Меня печали мрачный гений
Крылами черными покрыл...
Не кличте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать;
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте же, друзья!
Утраťте вечер скоротечный:
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.¹²

Никто из редакторов не усомнился в самом факте принадлежности Пушкину первых 16 строк. Они были приведены в разделе ранних редакций десятичного «малого академического издания», подготовленного Б.В. Томашевским, и анализировались в авторитетных трудах о Пушкине.¹³ Между тем достаточно внимательно прочесть их, чтобы такое сомнение возникло. По-видимому, уже Л.Н. Майков ощущал их поэтическую беспомощность, предполагая в них «первые наброски», — вялый стих, с бедными и преимущественно морфологическими рифмами, тривиальность лексики, не свойственную пушкинскому поэтическому языку безвкусицу в метафорических оборотах («Меня печали мрачный гений Крылами черными покрыл»). Более того, это поэтический язык не 1810-х, а 1820-х годов, типичный для эпигона, воспроизводящего расхожие формулы «элегической школы». Но и этого мало. Первые 16 стихов — это, конечно, законченное стихотворение с попыткой кольцеобразного построения: стихи 13—16 образуют концовку с кадансом, перекликающуюся с начальными четырьмя стихами, давая своего рода поэтическое резюме. Пушкинские стихи присоединены далее механически, благодаря чему нарушилось правило альтернанса и возникло иное чередование рифм: в первых 16 стихах «AbAb», в последних восьми (пушкинских) — «aBaB». Подобного рода контаминации в 1820-е годы были распространены не только в среде непрофессиональных поэтов, но и в печатной массовой литературе;

их практиковал, например, М.А. Бестужев-Рюмин, создававший «вариации» на темы Д. Давыдова, Баратынского, Жуковского и Пушкина.

Добавив к стилистическим наблюдениям текстологические, мы получим все основания для атетезы. Ни одна из известных ранних редакций элегии не является переработкой этого предполагаемого «первоначального наброска»: это два разных стихотворения. Таких примеров полного разрыва между редакциями пушкинское творчество не знает. С другой стороны, присоединенная концовка в этом своем виде, как мы пытались показать, не существовала до 1826 года; совершенно невероятно предположение, что в 1816 году Пушкин создал ее окончательную редакцию, а потом многократно усовершенствовал ее, чтобы, наконец, вернуться к исходному тексту. Дело обстоит много проще; к эпигонской элегии, написанной, скорее всего, в конце 1820-х годов, присоединен печатный текст элегии «Друзьям», входящий к «Стихотворениям Александра Пушкина» 1826 года. Этот контактированный текст нет никаких оснований печатать в собрании сочинений Пушкина.

Об адресате послания «К другу стихотворцу»

История и обстоятельства создания этого лицейского стихотворения Пушкина, ставшего его печатным дебютом, остаются невыясненными. Оно было напечатано в № 13 «Вестника Европы» и получено в редакции не позднее начала апреля; 18 апреля в том же журнале В.В. Измайловым помещена заметка «От издателя»: «Просим сочинителя присланной в „Вестник Европы“ пьесы под названием „К другу стихотворцу“, как и всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом: не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло право издателя и не откроем тайны имени, когда автору угодно скрыть его от публики». Итак, оно написано не позднее марта; анализ почерка, произведенный Т.Г. Цявловской, также позволяет отнести стихотворение к началу 1814 года. Таким образом, оно датируется январем — мартом этого года.

Из числа проблем, возникавших в связи с комментированием этого стихотворения, проблема его адресата была самой устойчивой и дискуссионной. П.И. Бартнев, первый биограф Пушкина, полагал, что «Арист», обращением к которому оно открывается, — А.А. Дельвиг. Основанием для такого убеждения было появление в печати оды последнего на взятие Парижа как раз накануне стихотворения Пушкина; послание Пушкина рассматривалось Бартневым как предупреждение другу об «опасностях того поприща, на которое он выступил». Догадка, впрочем, не была принята; уже Я.К. Грот отверг ее, заметив, что Пушкин «с самого начала высоко ценил талант» Дельвига, — «в рассматриваемом же послании он советует отказаться от стихотворства». С Гротом согласился Л.Н. Майков, выдвинувший предположение, что «Арист» — Кюхельбекер, «не имевший поэтического таланта» и служивший в Лицее предметом шуток.

Такая расшифровка получила поддержку, когда Ю.Г. Оксман обратил внимание на список произведений, предназначенных Пушкиным для первого своего печатного сборника, относящийся к 1816—1817 годам, где значилось послание «Кюхельбекеру», не отождествляемое ни с одним известным нам посланием Пушкина 1813—1816 годов. Поскольку «К другу стихотворцу» в этом перечне отсутствовало, Ю.Г. Оксман предположил, что под обозначением «Кюхельбекеру» скрывается именно это стихотворение. Гипотеза эта была принята авторитетными исследователями (М.А. Цявловский, Ю.Н. Тынянов); основное возражение против нее, в наиболее развернутом виде сформулированное Б.В. Томашевским, заключается в указании на стихи 11—14, содержащие эпиграмматический выпад против Кюхельбекера:

Быть может, и теперь, от шума удалаясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды
Скрыт другой отец второй «Телемахиды».¹⁹

К словам «Минервиной эгиды» сделано примечание: «т.е. в школе».

«Этот выпад, мне кажется, — писал Томашевский, — исключает возможность биографического истолкования произведения. Арист этого послания не может быть тем же самым

лицом, которое приводится в пример поэтической бездарности... Реальность адресата в посланиях не обязательна: написал же Жуковский в 1808 г. послание к никогда не существовавшему Филалету. Имя Ариста так же не реально, как не реален тот диалог, в форме которого написано это сатирическое послание». В другом месте своей книги Томашевский указывает, что в списке значатся и утраченные ныне произведения; с другой стороны, он не полон; ряд известных нам (в том числе напечатанных) стихотворений сюда не вошел. Послание «Кюхельбекеру» он относил к числу утраченных.²⁰

Возражения, развернутые Томашевским в 1956 году, по-видимому, высказывались им еще в период подготовки академического издания; во всяком случае с ними (не называя их автора) полемизировал М.А. Цявловский в упомянутых нами примечаниях к академическому изданию, оставшихся в корректуре. «Трудно допустить, — писал он здесь, — чтобы под этим заглавием («Кюхельбекеру». — В.В.) разумелось какое-то недошедшее до нас стихотворение. С другой стороны, также трудно допустить, чтобы Пушкин не включил „К другу стихотворцу“ в список намечавшихся в сборник посланий. По этим основаниям и можно предполагать, что „Кюхельбекеру“ списка и „К другу стихотворцу“ одно и то же стихотворение. В качестве возражения на эту гипотезу выдвигается то соображение, что стихи 11—14 заключают эпиграмматический выпад против Кюхельбекера («отец второй Телемахиды»), но, во-первых, Пушкин мог заметить и здесь кого-нибудь из своих товарищей и помимо Кюхельбекера, во-вторых, такую неувязку легко допустить в стихотворении начинающего поэта.

Можно думать, что послания Пушкина предшествовали беседам его с Кюхельбекером о выборе профессии, и что послание является итогом всех этих бесед, заменившим эпиграмматические насмешки над неудачным поэтом рассудительными советами друга — ментора. В стихах:

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернила,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай —

нужно видеть характеристику творчества Кюхельбекера в эти годы. Она находится в полном согласии с другими высказываниями Пушкина о произведениях товарища. В эпиграмме „Вот Виля — он любовью дышит“ слова „Влюблен, как Буало“ — перифраз стиха „В холодных песенках любовью не пылай“. О том же говорят стихи и других эпиграмм:

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...
Ямб охладил рифмача, гексаметры ж он заморозит.
Тошней идиллии и холодной, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт...

Из лицейских стихотворений Кюхельбекера до сих пор напечатана небольшая часть, но из того, что нам известно, Пушкин в своей характеристике («унылые могилы») мог иметь в виду такие стихотворения, как „Мертвый живому“, „Зима“ и „Осень“.²¹

Мы приводим эту длинную выписку, так как комментарий Цявловского, остающийся неопубликованным, является наиболее полным в настоящее время изложением «кюхельбекеровской» версии и на нем основано уже безальтернативное раскрытие адресата послания в «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» М.А. Цявловского («стихотворение обращено к Кюхельбекеру»). Книга Томашевского, где, как уже упоминалось, сформулированы в печати сомнения и возражения ей, вышла в свет в 1956 году, уже после смерти Цявловского, однако Т.Г. Цявловская, готовившая переиздание «Летописи», их не приняла. Во всяком случае, во втором издании труда Цявловского раскрытие имени Ариста как «Кюхельбекер» осталось без изменений.²²

Мы вынуждены были подробно остановиться на историографии послания Пушкина, чтобы иметь возможность еще раз взвесить аргументацию сторон. Возражения Томашевского против адресации его Кюхельбекеру разъяснениями Цявловского, конечно, не сняты, но и отказ от поисков адресата в данном конкретном случае вряд ли оправдан. Пример с посланием Жуковского «К Филалету» 1808 года показателен как раз в этом смысле: «Филалет» в нем — А.И. Тургенев, а послание обобщает частную ситуацию взаимоотношений. Адресат послания-сатиры в духе Буало — всегда адресат типовой и обобщенный,

но он редко бывает совершенно условным; чаще всего это реально существующее лицо. Из двенадцати сатир Буало пять имеют адресата, и все они подлинные; из двенадцати его посланий только одно, десятое, обращено «К своим стихам», все остальные, не исключая и послания XI — «К моему садовнику», — к реальным лицам (Буало даже считает нужным назвать имя садовника — Антуан Рикье). В русской литературе эта традиция сохраняется и иногда в тексте прямо обыгрываются персональные и профессиональные признаки адресата. «К другу стихотворцу» — очень любопытный в этом отношении текст: он включает элементы корпоративных коммуникаций внутрилицейского быта, рассчитанные на «свою» аудиторию и отчасти раскрытые, отчасти завуалированные для широкой журнальной публики: эпиграмму на Кюхельбекера с примечанием «т.е. в школе». Есть основания думать, что и название «К другу стихотворцу» имеет двойную коммуникативную функцию: в журнальной публикации это — обобщенный адресат с возможностью потенциальной конкретизации (такую возможность исключало бы, например, название «К Аристу», по типу «К Филалету» Жуковского); в лицейском обиходе оно, вероятнее всего, раскрывалось.

Мы попытаемся показать далее, что личность адресата вовсе безразлична для самого текста, и потому, наряду с журнальным названием «для публики», в сознании автора послания вполне могло существовать и то его «домашнее», подлинное обозначение, под которым оно могло фигурировать в списке посланий, составленном для себя как черновое оглавление предполагаемого сборника. Другое дело, что название это не может раскрываться как «Кюхельбекеру».

В 1972 году Р.Е. Теребниной было опубликовано неизвестное до тех пор «Послание к А.Д. Илличевскому» Дельвига.

Это послание принадлежит к числу наиболее ранних сочинений Дельвига; по бумаге и по почерку оно может быть отнесено к 1813—1814 годам. В нем упоминается несколько не дошедших до нас лицейских сочинений, относящихся к 1813—1814 годам: «Изяслав» А.М. Горчакова, «Полорд» С.С.Есакова (о которых мы знаем из письма губернатора А.Н. Иконникова от 2 сентября 1813 года к издателям рукописного лицейского журнала «Юные пловцы»), «Теласко» и «Альманзор» Кюхельбекера (известна эпиграмма на «Теласко», вошедшая в составленный Пушкиным эпиграмматический сборник против Кюхельбекера «Жертва Мому» 1814 года, и ироническая рецензия на «Альманзора», помещенная в первом номере рукописного «Лицейского мудреца» за 1815 год).²³ Намеком упоминается еще несколько произведений, не поддающихся точной идентификации. В пользу ранней датировки, как замечал публикатор, «говорит также адресат послания, А.Д. Илличевский, вначале первенствовавший в лицее в поэзии; признание автора в трудности сочинения стихов, его несложная эстетическая программа (ср. с посланием Пушкина «К другу стихотворцу» 1814 г.)...».²⁴ Наблюдения эти, верные в целом, требуют, однако, развития и уточнений в некоторых, впрочем, существенных деталях.

Прежде всего, центральный мотив послания не является собственной эстетической программой юного Дельвига. «Послание к А.Д. Илличевскому» — вариация II сатиры Буало (A Molière, 1664), может быть, воспринятой через русские подражания. Так, стихи 3 и 5 («Как рифма под перо сама к тебе идет», «Как можешь ты писать столь плавно и приятно») производят впечатление парафразы стихов II сатиры С.Н. Марина (обращенной к И.И.Дмитриеву и являющейся более близким переложением того же оригинала). Ср. у Марина:

Как можешь без труда приятно так писать,

или

Читав твои стихи, всяк должен согласиться,

Что рифма под перо сама собой ложится...

Сатира Марина, опубликованная в 1808 году, была достаточно широко известна.

Опуская перипетии сатирического сюжета Буало, молодой поэт сосредоточивается на описании своих мучений над стихом. Здесь он следует оригиналу довольно близко, но в одном месте распространяет его, вводя отсутствующую у Буало сцену:

А иногда в саду под ивою сiju
 И на гору Парнас, зеваючи, гляжу.
 Настрою лиру лишь и напишу «баллада»,
 Взбренчу — струна вдруг хлоп — сбиваюся я с лада,
 «О лира злобная!» — с досадой я кричу
 И с Пинда лбом на низ без памяти лечу.²⁵

Может быть, в мотиве падения с Парнаса слышится отдаленный отзвук стихов из сатиры IX (К уму своему, 1667); стихи эти опускались русскими интерпретаторами — Мариным и М.В. Милоновым:

Qui vous a pu souffler une si folle audace?
 Phoebus a-t-il pour vous aplani le Parnasse?
 Et ne savez-vous pas que, sur ce mont sacré,
 Qui ne vole au sommet, tombe au plus bas degré...²⁶

(«Кто мог внушить вам столь безумную дерзость? Разве Феб для вас устроил Парнас? И разве вы не знаете, что на этой священной горе тот, кто не взлетает на вершину, падает на самую низкую ступень...»).

Лишь отдаленное соответствие у Буало находит и другой фрагмент послания Дельвига, где перечисляются «образцовые поэты»:

Почто я не могу быть равен с тем поэтом,
 За масленицу кто одобрен целым светом,
 Иль тем, кто в мир рожден, чтоб лирой нас пленять
 И музую своей, как куколкой, играть,
 Иль тем, Полорда кто приятно так представил,
 Или Пожарского кто прозою прославил,
 Кто Изяслава нам приятно так воспел,
 Сердца Силистрией, Москвою нам согрел;
 Кто о Европе на(м) (в) журнале возвещает
 Иль в роще Марьиной кто сильно так рыдает,
 Иль тем, кто так весну нам красно описал,
 Иль (...) на свете нам кто с мудрецом певал,
 Иль тем, чей Алманзор, чьи Алпы и чья белка,
 Теласко чей велик, как крепкий дуб иль елка.
 Нет, не могу никак быть с ними наряду.²⁷

Эти строки окрашены легкой иронической интонацией, ускользнувшей от внимания первого публикатора. Ирония создается либо преувеличенностью похвалы («За масленицу кто одобрен целым светом»), либо контекстом, создающим контрастное сочетание («Алманзор» и «белка», описание весны рядом с обценными стихами, поставленными в серьезный ряд «образцовых»), либо, наконец, пародийными уподоблениями («дубу» и «елке»). Последние касаются двух осмеянных в лицейской эпиграмме и рецензии сочинений Кюхельбекера — «Теласко» и «Алманзора». Здесь ирония переходит в прямую насмешку. Важно заметить при этом, что ироническая интонация распространяется и на собственные сочинения автора послания, что будет характерно в дальнейшем почти для всех лицейских самооценок Дельвига.

Это-то произведение, как нам представляется, и послужило стимулом для появления пушкинского послания.

Как мы помним, уже Я.К.Грот решительно отверг возможность адресации пушкинского послания Дельвигу, указав на высокую оценку Пушкиным поэтической деятельности своего друга. Это верно, если, во-первых, исходить из истории их взаимоотношений в целом и, во-вторых, понимать послание буквально, как желание лицеиста Пушкина

отговорить своего друга от поэтической деятельности. Но ранние внутрилицейские взаимоотношения поэтов нам известны мало; что же касается содержания послания, то, как мы знаем, послания-сатиры в духе Буало обобщают адресата и самую проблематику, и их адресат и лирический субъект отнюдь не тождественны стоящим за ними реальным лицам. Послание Дельвига не есть просьба к Илличевскому научить его писать стихи; равным образом послание «К другу стихотворцу» не есть частная дружеская рекомендация, но традиционное «сатирическое» изображение органических опасностей поэтического творчества. Поэтому в принципе Дельвиг мог быть его адресатом.

Есть основания думать, что уже в 1814 году Пушкин не сочувствовал той иерархии поэтических репутаций, которую устанавливал Дельвиг, обращаясь к Илличевскому как к лицейскому «мэтру». В статье 1834 года он вспоминал историю первых лицейских публикаций в «Вестнике Европы» В.В. Измайлова. Напомним их хронологию, которая в данном случае небезразлична. В № 8 (18 апреля) помещена цитируемая нами заметка «От издателя» с просьбой сообщить имена и адреса сочинителя «К другу стихотворцу» и других произведений, присланных без имени; в № 12 появляется «На взятие Парижа» Дельвига с подписью «Русский», в № 13 (3 июля) — послание «К другу стихотворцу», в № 15 — «К Диону» Дельвига с подписью «Д», которая будет стоять и под всеми остальными его публикациями в «Вестнике Европы» 1814 года, № 19 содержит «Цефиза» Илличевского с подписью «ийший» (тоже сохраненною и в дальнейшем). В № 21 «К поэту-математику» Дельвига и «Ирин», второй перевод Илличевского из Клейста. В № 22 — эпиграмма Дельвига на Кюхельбекера («Поэт надутый Клит»), его же «Дафна» («Первая встреча»), «К Лилете» и «Старик» («Хлоя») и несколько эпиграмм Илличевского.

В воспоминаниях о Дельвиге Пушкин сообщал, что первые опыты его, посланные им в журнал, «привлекли внимание одного знатока (в черновом варианте: «двух или трех знатоков». — В.В.), который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носившие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима». Видимо, речь идет как раз о заметке Измайлова в «Вестнике Европы», где требование о раскрытии анонима было адресовано прежде всего Пушкину, но касалось и других. Стихи лицейстов были скорее всего посланы одновременно и уже потом распределялись по книжкам журнала самим издателем; по крайней мере это относится к тем стихам, которые вышли первыми после объявления, в номерах 12—15 (далее наступил перерыв). В их числе была и «ода к Диону», которую Пушкин упомянул как произведение зрелого мастерства, наряду с «одой... к Лилете», напечатанной в ноябре.

Эти-то «опресноки столь прекрасного таланта», как вспоминал Пушкин, остались незамеченными публикой, «между тем как стихи одного из... товарищей» Дельвига, «стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время (в черновом варианте: «доставленные в то же время». — В.В.) были расхваленны и прославлены как чудо!»⁸ Речь шла о стихах Илличевского, в числе которых были самые крупные в его лицейском творчестве — переводы из Э. фон Клейста «Цефиз» и «Ирин».

Соотношение поэтических величин: «Дельвиг — Илличевский» сохранялось в сознании Пушкина через двадцать лет после того, как уже перестало быть актуальным. Есть основания думать, что оно возникло уже на ранних этапах их литературного общения и что послание Дельвига к Илличевскому не осталось незамеченным Пушкиным. Но тогда самая близость этого последнего и пушкинского «К другу стихотворцу» перестает быть случайной.

«Послание к А.Д. Илличевскому» и «К другу стихотворцу» — единственные в известном нам наследии лицейских поэтов послания, варьирующие сатиры Буало.

Связь с Буало пушкинского послания была проанализирована в 1916 году Б.В. Томашевским. Пушкин обошелся со своим первоисточником свободнее, чем Дельвиг; он воспользовался мотивами нескольких сатир, уже превратившимися в общие места полемической литературы. Ближе всего он подходит к IX сатире, черпая из нее аргументы, долженствующие отвратить от поэзии ее новоявленного адепта. Начало послания («Арист! и ты в толпе служителей Парнасса! Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса») может быть понято как ответ на обращение Дельвига к Илличевскому. Следующие строки («Забудь ручьи, леса, унылые могилы, В холодных песенках любовью не пылай»), как мы помним, являлись одним из аргументов в пользу адресации послания Кюхельбекеру, который готов «заморозить» свои «песенки», написанные гекзаметром. Однако это — одно из «общих мест», даже и для Буало. Томашевский приводил соответствующие строки из «Поэтиче-

ского искусства» («ses feux, toujours froide et glacée») и из той же IX сатиры. Любопытно, впрочем, употребление этого выражения в пародийной автохарактеристике Дельвига 1815 года «К Т-ву»:

Еще в молодые годы,
Бренча струной не в лад,
За пиндарские оды
Я лирами проклят.

Вторая строка варьирует уже известную нам строку из «Послания к Илличевскому». В концовке стихотворения читаем:

Простился я с мечтою,
В груди простыла кровь,
А все еще струною
Бренчу кой-как любовь —
И в песнях дышит холод,
В элегиях бомбаст;
Сатиров громкий хохот
Моя на Пинде часть.²⁹

Не исключено, что здесь реминисценция, может быть произвольная, того же типа, что в стихе 2, но уже из Пушкина.

«Ручьи, леса, унылые могилы» — все это не обязательно должно было находить прямое соответствие в конкретных стихах адресата, более того, такие соответствия превращали бы послание-сатиру в памфлет, что, конечно, не входило в задание Пушкина. Общая же тональность некоторых из дошедших до нас ранних стихов Дельвига этой общей характеристике не противоречит. Ср. в романсе «К голубку» (1813):

Здесь тихо все, здесь все живет в печали:
И рощица, голубчик, где ты жил,
И ручеек, где чисту воду пил —
Печальны все, что радость нам являли³⁰

и т.д.

Однако самая существенная реминисценция, придающая, с нашей точки зрения, высокую степень вероятности всей гипотезе, находится в следующей строке:

Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!

В автографе вариант:

Покамест не слетел, скорей сойди с горы.

Эта строка, в особенности в варианте автографа, «непонятна». При некотором читательском усилии можно понять, что «гора» — метафора Парнаса и что речь идет о поэтическом падении, как в IX сатире Буало (кто не взлетает на Парнас, тот падает на низшую ступень). При всем том строка немотивирована, и это почувствовал Пушкин, придав ей большую завершенность в печатной редакции. Эта немотивированность — результат связи ее с речевой ситуацией послания к Илличевскому:

И с Пинда лбом на низ без памяти лечу.

Добавим к этому, что глагол «слететь», «лететь» в значении «стремительно падать с высоты», «сваливаться», в отношении к лицу имеющий просторечный оттенок, Пушкин употребил еще лишь однажды — в «Домике в Коломне» («С паперти долой Чуть-чуть моя старушка не слетела»).³¹ Варьируя этот мотив в послании «К Жуковскому» (1816), он скажет:

Страшусь, неопытный, бесславного паденья.³²

Эти сопоставления поддерживают предположение, что в послании «К другу стихотворцу» перед нами едва ли не сознательное использование «чужого слова», прямая отсылка к исходному тексту, удерживающая его пародийное звучание.

Следующие строки — уже известный нам фрагмент о Кюхельбекере — корреспондируют с насмешкой Дельвига над «Альманзором», «Теласко» и неизвестной нам «белкой» (по-видимому, басней), чьи поэтические достоинства подобны «крепкому дубу иль елке». К этому времени, по-видимому, относится литературная ссора Дельвига с Кюхельбекером, нашедшая отражение в эпиграмме «Поэт надутый Клит», как уже указывалось, в 1814 году попавшей в печать. Пушкин, написавший уже к этому времени «Несчастье Клита» («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...») и, возможно, уже составивший сборник «Жертва Мому», обращался, таким образом, к единомышленнику.

Последующие фрагменты посланий обнаруживают и другие точки соприкосновения, но все они более или менее проблематичны, так как относятся к «общим местам» сатир Буало или лицейской поэзии. «...Не тот поэт, кто рифмы плестя умеет» можно было бы читать как прямой ответ на дельвиговское послание о «рифмах» (ср. в концовке: «.. научи меня, как рифму к рифме шить»), но вместе с тем это один из наиболее ходовых мотивов литературных сатир. Пушкинское «Хорошие стихи не так легко писать, Как Витгенштейну французов побеждать» переключается со строчкой из самой ранней песни Дельвига «Как пронесся слух по Петрополю» (1812), где молодой воин отправляется служить «под знаменами Витгенштейна», но это также не обязательная ассоциация: имя Витгенштейна как защитника столицы было особенно популярно среди лицеистов. Более плодотворными могли бы оказаться поиски реплик на послание в стихах самого Дельвига, но и здесь картина затемняется типовым характером мотивов. Отметим, однако, что Дельвиг в лицейские годы особенно охотно разрабатывает ту тему, которая намечена в концовке пушкинского послания:

Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя и заботы,
Своими одами журналы не тягичит
И над экспромтами недели не сидит.

Эта тема восходит также к Буало, в частности к его II сатире, которую Дельвиг и переведил:

Sans ce métier fatal au repos de ma vie,
Mes jours pleins de loisir couleraient sans envie,
Je n'aurais qu'à chanter, rire, boire d'autant,
Et comme un gras chanoine, à mon aise et content,
Passer tranquillement, sans souci, sans affaire,
La nuit à bien dormir, et le jour à rien faire...³³

Ср. в довольно близком переводе Марина (заменившего, однако, «жирного каноника» взяточником судьей):

Без ремесла сего — я б жизнью наслаждался,
Ни зависти людей, ни злости не боялся,
Смеялся, пил и ел, и веселился б я,
Как, взятков нахватав, безграмотный судья.
Ночь спал бы хорошо, день встретил без работы,
И сердце бы мое без страсти, без заботы
Умело б положить для гордости конец.³⁴

В пародийном «Подражании 1-му псалму» Дельвига (1814—1817) варьируется тема «журнальной поэзии», присутствующая только у Пушкина:

Блажен, о юноша! кто, подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем журналам...

И далее вводится фигура «Свистова» — след «арзамасских» сатир. «Свистов», «Графов» — граф Хвостов (как «Графов» он упомянут в послании Пушкина):

Когда неистовый влетит к нему Свистов,
Он часто по делам из комнаты выходит;
Ему ж нет времени писать дурных стихов,
Когда за книгой день, с супругой ночь проводит.³⁵

Здесь намеченная Пушкиным вслед за Буало коллизия разрешается гораццианским идеалом «безвестного поэта», возделывающего «наследственное поле». Дельвиг не напрасно изучал Горация, которым скорректировал Буало.

Мы говорили уже, что обобщающий характер сатиры «К другу стихотворцу» позволял юному Пушкину адресовать ее не только действительному другу, но и литературному единомышленнику. Теперь мы можем добавить к этому дополнительные соображения. Подобного рода сатира-послание могла быть адресована *только* другу-единомышленнику, ощущавшему меру условности обсуждаемых проблем и не принимавшему их за личный выпад. Пушкин мог в сатире советовать Дельвигу оставить поэтическое поприще, потому что в повседневной жизни он считал бы такой совет нелепостью, — и Дельвигу это было отлично известно. Иное дело — Кюхельбекер. При всех насмешках над ним никто не оспаривал всерьез его права на поэтическое творчество, но на фоне этих насмешек печатные советы, содержащиеся в послании, могли быть восприняты как памфлет.

Что касается Дельвига, то обратиться к нему послание-сатиру подобного рода давал основание и самый текст, на который, как мы предполагаем, она была ориентирована, — текст, зависящий от Буало и провоцировавший на ответ в духе Буало, текст, пронизанный автоиронией и иронически трактующий и другую лицейскую поэтическую продукцию. Иронией, кстати сказать, тронуты почти все поэтические автооценки Дельвига — поэта лицейской времени; к тому, о чем уже говорилось, можно добавить и автоэпиграммы «Переводчику Диона», «Надпись к моему портрету» и уже послелицейское «Утешение бедного поэта». С другой стороны, в уста «друга стихотворца» вложены формулы, которые Пушкин затем отнесет к себе самому. Ср.:

И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.

В послании «К Жуковскому»:

Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.

Нам осталось теперь проверить, нет ли следов послания «К другу стихотворцу» в том списке сочинений для несостоявшегося первого сборника стихотворений, который был записан Пушкиным на обороте листа «Пирующих студентов».

Наряду с двумя посланиями Кюхельбекеру здесь значатся и два послания «Дельвигу».

Одно из них — несомненно «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...», 1815). Второе, по расшифровке М.А. Цявловского, — «Стихотворение, до нас не дошедшее или, вероятнее, лишь предполагавшееся».³⁶ Б.В. Томашевский предполагал, что это послание «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»), которое датируется «или концом 1816, или началом 1817 г.».³⁷ Однако «конец 1816 г.» — предположительная дата первой редакции. Сам Пушкин датировал эти стихи 1817 годом.

В Академическом издании верхняя граница их датировки — апрель 1817 года, так как они не содержат «прощальных» мотивов, характерных для стихов, написанных перед выпуском.

Но если эти стихи написаны, допустим, в апреле, то хронологические границы списка должны быть расширены и, стало быть, возможно отождествить с некоторыми обозначениями и «прощальные» стихи. К такому справедливому выводу пришла Н.Н. Петрунина, предлагая изменить датировку списка.³⁸ Однако тогда возникают новые вопросы: остается

целый ряд важных стихотворений 1817 года, не введенных Пушкиным в список. Здесь нет возможности подробно разбирать вопрос о датировке этого списка (мы придерживаемся традиционной даты: «1816 — начало 1817 г.»); нам важно отметить лишь, что послание «К другу стихотворцу», по нашему мнению, могло фигурировать в нем под названием «К Дельвигу». Такая расшифровка возвращает нас к первоначально установленной дате списка и объясняет заодно отсутствие в нем среди последних печатного дебюта Пушкина.

Впрочем, это лишь гипотеза, как и все построение, предлагаемое ныне вниманию читателя.

¹ См.: Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962.

² Пушкин. Полн. собр. соч. Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели. [М.; Л.]: Изд. АН СССР, 1959. С. 23.

³ Сочинения Пушкина, с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. П.В. Анненкова. СПб., 1857. Т. VII. С. 97.

⁴ ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 422. Л. 23, об.; ср. Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937. С. 177.

⁵ ЦГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1599. Л. 186. Позднее этот отрывок был опубликован нами в кн.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 717.

⁶ Дух журналов. 1817. № 2. С. 86.

⁷ См.: Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.,] 1937. Т. 1. С. 398. Тексты в «тетради Никитенко» полностью опубликованы М.О. Гершензоном (Русские Пропилены. Т. 6: Материалы по истории русской мысли и литературы/ Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1919. С. 1—95).

⁸ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.,] 1947. Т. 2. С. 20.

⁹ Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 3—4.

¹⁰ Ефр[емов] П. Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина. Статья 2-я // Библиографические записки. 1861. Т. III. № 19. С. 591.

¹¹ Сочинения Пушкина, изд. имп. Академии наук/ Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. Т. 1: Лирические стихотворения (1812—1817). 2-е изд. СПб., 1900. С. 326.

¹² Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 1: Лицейские стихотворения. [М.; Л.,] С. 397—398. В этом издании приведены только первые 16 стихов, что несколько затемнило картину. В десятитомнике под редакцией Б.В. Томашевского перепечатаны также только стихи 1—16 с примечанием: «Конец этой редакции утрачен» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 1: Стихотворения 1815—1820. С. 458), что делает неподлинность текста менее очевидной.

¹³ См., например: Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 140—141; Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 150—151.

¹⁴ Вестник Европы. 1814. № 8. С. 324; ср.: Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 73.

¹⁵ Бартенева П.И. О Пушкине. М., 1992. С. 80.

¹⁶ Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд., доп. СПб., 1899. С. 11.

¹⁷ Пушкин. Сочинения, издание имп. Академии наук/ Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. Т. 1. С. 31 (2-я паг.).

¹⁸ См. примечание Ю.Г. Оксман к «Плану первого неосуществленного издания стихотворений»: «Некоторые из произведений, отмеченные в этом списке, до нас не дошли («Бонапарте», «Ринальдо»); посланиями „Трубецкому“ и „Кюхельбекеру“ следует считать „Городок“ и „К другу стихотворцу...“» (В кн.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИЗ, 1933. Т. 5. Кн. II. С. 734—735).

¹⁹ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.,] Т. 1. С. 25.

²⁰ Томашевский Б.В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 49, 72.

²¹ ПД. Ф. 244. Оп. 27. № 54.

²² Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 70.

²³ Грот К.Я. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я.К. Гротом. СПб., 1911. С. 253, 471, 263—264.

²⁴ Теребенина Р.Е. Поступления в лицейское собрание Пушкинского фонда. (Листок из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого -ийший», новые автографы А.А. Дельвига) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. XXXI. Вып. 2. Март — апрель. С. 183—184.

²⁵ Дельвиг А.А. Соч. Л., 1986. С. 94—95.

²⁶ Oeuvres complètes de Boileau Despréaux... Paris, 1835. P. 202.

²⁷ Дельвиг А.А. Соч. С. 95.

²⁸ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.,] 1949. Т. 11. С. 274, 519.

²⁹ Дельвиг А.А. Соч. С. 98.

³⁰ Там же. С. 85.

³¹ Словарь языка Пушкина. М., 1961. Т. IV: С—Я. С. 182—183; 1957. Т. II. З—Н. С. 474—475.

³² Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.], Т. I. С. 194.

³³ Oeuvres complètes de Boileau Despréaux... P. 189; Томашевский Б.В. Пушкин и Буало // Пушкин в

мировой литературе. [Л.] 1926. С. 25.

³⁴ Поэты-сатирики XVIII — начала XIX века. Л., 1959. С. 191—192.

³⁵ Дельвиг А.А. Соч. С. 107.

³⁶ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 227.

³⁷ Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. I. С. 115.

³⁸ Петрунина Н.Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // Русская литература. 1990. № 3. С. 140—141.

ПИСЬМА Н.Л. БАТЮШКОВА К К.Н. БАТЮШКОВУ

(ПУБЛИКАЦИЯ Р.М. ЛАЗАРЧУК)

К. Батюшкову было шесть лет, когда заболела его мать, и не было восьми, когда она умерла. Значит, отец должен был заменить ему и мать. Смог ли? Между тем именно «общество родителей, благие примеры», «летний деревенский воздух», «счастье», которые даются «редко, очень редко, даже и детям», стали основными составляющими созданной поэтом концепции «домашнего воспитания». Связаны ли эти представления с его собственным детством или они рождались «от противного» и были всего лишь неосуществленной мечтой о Доме и Семье?

Отношения К.Н. Батюшкова с отцом стали осознаваться нашей наукой как проблема лишь с конца 1980-х годов, когда отчетливо обнаружились противоречия и в «характеристиках» Николая Львовича, и в оценках его взаимоотношений с сыном. Тревожит вовсе не отсутствие единства в суждениях исследователей. Оно воспринималось бы совершенно естественно, если бы вело к постижению реальной сложности характера Н.Л. Батюшкова. Поляризация мнений столь велика, что кажется, будто речь идет о разных людях. Кто же он, Николай Львович Батюшков? Опальный дворянин,² «насильственно отстраненный от служебно-политического поприща родовитых дворян XVIII в.»³ или «преуспевающий чиновник»⁴? «Знаток и почитатель французской литературы и просветительной философии, великий книголюб», которому будущий поэт «обязан» «высотой культурного уровня»⁵ или заурядный человек, не понимавший сына и не ладивший с ним «всю жизнь»⁶? Полагаем, что публикуемые письма Н.Л. Батюшкова к сыну хотя бы отчасти приблизят нас к истине.

Николай Львович Батюшков родился в 1752 году.⁷ Подобно многим представителям своего старинного рода, он выбрал военную службу. В 1767 году (с этой даты начинается формулярный список отца поэта) он числился сержантом Кексгольмского полка, но уже в октябре 1771 года был отставлен «за болезнями» в чине подпоручика. В 1774 году Н.Л. Батюшков возобновил службу. Он поручик Архангелогородского полка, участник сражений с турками «за Дунаем при Туртукае и местечке Разграде» под командою генерал-аншефа графа И.П. Салтыкова.⁸ Однако военной карьеры отец поэта не сделал. В декабре 1776 года последовала вторичная отставка, но уже «без награждения чином». Ей предшествовала длительная и тяжелая болезнь. По-видимому, женитьба на дочери вологодского помещика подполковника Григория Григорьевича Бердяева Александре Григорьевне (между 1776 и 1780 годами) заставила Николая Львовича искать место по «статской части». Внешне карьера Батюшкова на новом поприще кажется вполне благополучной: с 1790 года он губернский прокурор Вологодского наместничества, в 1792—1794 годах — Вятского; кавалер ордена св. Владимира 4-й степени — с 1793.¹⁰ Но как медленно и трудно продвигался он по иерархической лестнице. За назначением на гражданскую службу Николай Львович прибыл в Петербург и прождал там более полугода. Однако вместо Уфимского наместничества, генерал-губернатором которого И.В. Якоби Батюшков был «обнадежен»,¹¹ попал на должность прокурора губернского магистрата в далекий Великий Устюг (1781—1785 годы). Дважды, в 1794 и 1796 годах, Сенат представлял надворного советника Батюшкова к

Русская литература

141

1992

«НАУКА»

С.-Петербургское отделение

